

~~Е40~~
53

Крученых А.
Гибель Есенина

мк

Ч-й фут.

E 40
53

А. Крученых

ГИБЕЛЬ ЕСЕНИНА

ИЗДАНИЕ АВТОРА
Москва—1926

E40
53

А. Крученых

ГИБЕЛЬ ЕСЕНИНА

КАК ЕСЕНИН ПРИШЕЛ
К САМОУБИЙСТВУ

С. Есенин в 1916 г.

4-е дополненное издание, продукция № 134В

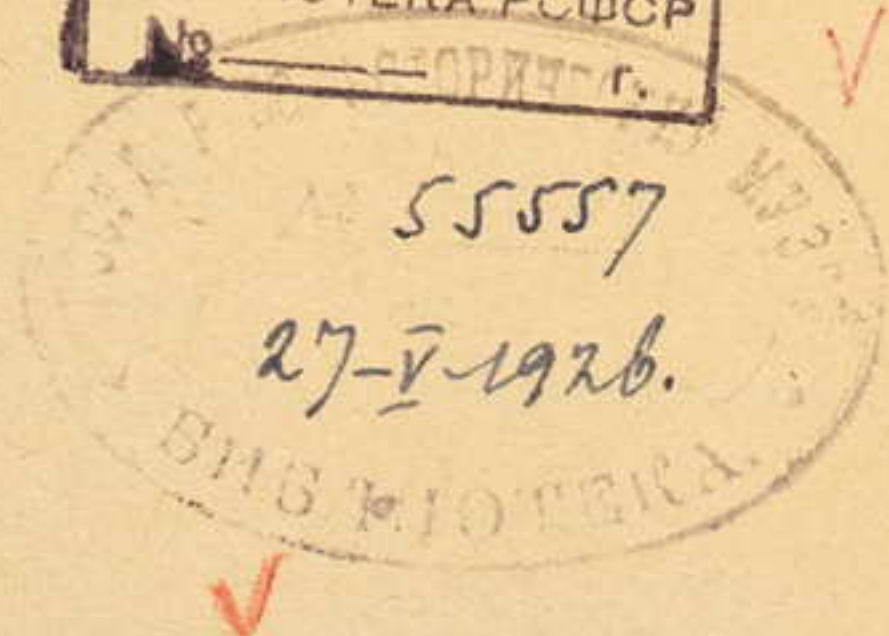
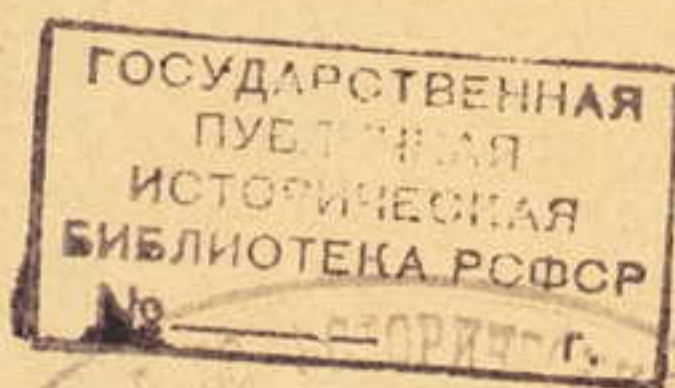

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Москва—1926

121

Гибель Есенина.

„В гостинице „Англетер“ покончил самоубийством приехавший из Москвы поэт Сергей Есенин... Когда... вошли в номер... обнаружили Есенина висящим на трубе парового отопления“.

(Известия ВЦИК от 29 декабря 1925 г.).

Так сообщают газеты о самоубийстве поэта. Это—всего несколько строк. Но в этих нескольких строках—завершение сложной, тяжелой и напряженной жизни. Интересно отметить, что призраком самоубийства сопровождал Есенина на протяжении целого ряда лет и целого ряда строк:

Устал я жить в родном краю...
...На рукаве своем повешусь.

И еще:

...Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

И еще, может быть не так явно, но все же звучит неоднократно в стихах Есенина тема самоубийства.

Иногда (напр., в цитированных строчках) он прямо предсказывает себе смерть от своей руки. Любопытно, что он заранее видит и образ своей смерти. Есенину словно суждено было либо быть повешенным, либо повеситься:

...И меня по ветряному свею,
По тому ль песку
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.
...На рукаве своем повешусь.

И вот—десяток лет читатель знает эти стихи и думает, что это просто стихи:—мало ли, о чем пишут. А в 1925 году „просто стихи“ оказываются точным пророчеством.

Не первому поэту привелось угадать свою смерть. В самом деле, разве не о себе, не о своей смерти писал Пушкин в „Евгении Онегине“. Ленский на Пушкина не похож. Но это неважно.— Поэт погиб на дуэли от хладнокровной руки человека, не понимавшего, кого он убивает. Лермонтову тоже пригрезилась его смерть, но он уже прямо говорит, что речь идет о нем самом:

— В полдневный жар, в долине Дагестана,
С свинцом в груди, лежал недвижим я.
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

И вот—едва прошло несколько лет—сон стал явью, стихи оказались пророчеством—свинец навсегда успокоил глубоко бившееся сердце.

Есть общая судьба у поэтов, вне зависимости от времени их жизни. На нашей памяти Гумилев писал о том, что рабочий отливает пулю для него— и ведь сбылось.

Особенно разительно по точности и конкретности своей предсказание эго-футуриста Игнатьева:

Перепиливаю горло
В профиль и фас.

Игнатьев покончил жизнь самоубийством—именно «перепилив» горло перочинным ножиком.

Так сбылись предсказания поэтов самоубийц. Так сбылось и предсказание Есенина. Предчувствие оказалось неслучайным. И уже теперь, через несколько суток после его смерти—в печати начинают раздаваться голоса, что именно такой конец был для Есенина неизбежен, неминуем,—неотвратим. Если мы пристально всмотримся в жизнь и стихи погибшего поэта, мы, пожалуй, скажем, что это именно так.

Есенин жил недолго. Как поэт-профессионал, он жил совсем недолго. В 1914 году он только-только

появился в столичной литературной среде. И вот за десять лет непрерывного горения личного и творческого Есенин изжил себя. Он умер очень рано. Но трудно сказать, мог ли он жить дольше после того, как он так жил и так писал эти десять лет.

... „казалось, у него был избыток стихийности... Но стихийность ведь то же, что жизненность... Трагический конец находится с этим в противоречии“—таково горькое раздумье В. Пяста над гробом С. Есенина. В противоречии? Может быть и нет. Неорганизованная стихия с равной силой стремится к самоутверждению и к самоуничтожению. Та стихия, которая владела Есениным, организации не поддалась—и привела поэта к самоуничтожению.

Есенин пришел в жизнь рязанским деревенским парнем со всей широтой его размаха, со всем его диким буйством и с полной возможностью погибнуть в чуждой среде и в чуждых условиях жизни. А в чуждые условия жизни Есенин попал в тот день, когда он бросил рязанскую деревню и приехал в большой город да еще в патристические об'ятия. С этого дня его стихи отмечены тоской по родным полевым просторам:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зелени твоих стозвонных
... Духовитые дубровы
Кличет ветками к реке.

Но вернуться в духовитые дубровы уже нельзя. Раз вдохнул городской воздух и отравлен им. Мы, конечно, не хотим сказать, что всякий город—всякому человеку гибель. Наоборот—и это так ясно—всякому, принявшему до конца городскую

культуру Советских центров—в этой революционной городской культуре — жизнь новая и плодотворнейшая. Но в Есенине слишком сильна была крестьянская стихия, да еще с загулом и «воздыханием», городская организованность была ему не впору; и он в городе находил самое неорганизованное—богему, он обратился в деклассированного интеллигента. Есенин страстно хотел жить в Руси Советской, но это было не по нем; как бы вне зависимости от него воли он попал в Москву кабацкую—в безобразную ширь скандала, о которой говорят многие его строки:

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор,
Если не был бы я поэтом,
То наверно был мошенник и вор...
... Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом...
... Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт...
... И я сам, опустясь головой,
Заливаю глаза вином...
... И известность моя не хуже,
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань...

Так, попав в город, Есенин не сумел и не мог взять от него лучшее. Он взял от него худшее—кабак, богему,—и это—одна из причин его гибели. Воспоминание о родной деревне некоторое время еще поддерживало его. Но это продолжалось недолго. В конце концов он сознает, что возвращение к хатам для него невозможно. Он попробовал было все-таки вернуться, но в родных местах он стал чужим:

... Здесь некому мне шляпой поклониться.
... Моя поэзия здесь больше не нужна
Да и пожалуй сам я тоже здесь не нужен.
И вот—родные края навеки покинуты:

... Цветы мне говорят—прощай!
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.
Ну, что ж, любимые, ну что ж!
Я видел вас и видел землю
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую приемлю.

Да, к последней гробовой дрожи привела
Есенина разлука с деревней и неприятие города.

И не только это одно. В наше время и поэту
и читателю определяюще важно отношение поэта
к революции. Что же? Есенин в прежней своей
лирике жил среди мистических образов:

... Хаты —в ризах образа...
... Схимник—ветер...
... Синий плат небес...
... с златной тучки глядит Саваоф...
... трерядница (икона триптих)...
... преображение...

Эти стихи печатались, да и писались тоже, уже
после Октябрьской революции. Но писавши их и
печатавши, Есенин все-таки чувствовал, что не та-
кие слова сейчас нужны, что в новой России,
в Руси Советской, поэт не может быть таким, ка-
ким он был в дореволюционные времена, и воспе-
вать райские двери да „радуницы божьи“. Есенин
пытается писать на революционные темы. Но не
приходится скрывать того, что у Есенина всегда
выходило — чем революционнее, тем слабее.
Стихи, например, о Ленине, прямо вызывают не-
доумение: полно, Есенин ли это?

И вся революция не впору Есенину, не по нем. Как изо всей городской культуры он избрал путаницу и разгул, так и изо всей революции он увидел и принял только стихийное буйство, т.-е. опять-таки в известной степени путаницу и разгул.

В Есенинских стихах о революции она предстает не как строительство, а как разгулявшаяся стихия. И Есенин сознает, что она на самом деле не такова. Есенин сознает, что он отдать революции свое творчество не может:

Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам.

Он чутко знает, что, как бы он ни хотел идти по пути революции—его путь иной:

Цветите, юные, и здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я уйду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.

И вот он, не сумев пойти по пути революционного строительства—ушел один „к неведомым пределам“—в небытие, в смерть. (Штамп слов—штамп поступков. Не было творчества в поэзии—не было его и в жизни! „Слово, как таковое“ отомстило за презрение к нему). У Есенина был некоторый талант. Если бы он умел управлять им, он мог бы стать одним из поэтов современья. Но в том-то и беда, что не Есенин владел своим талантом, а талант—Есениным. Прав тот, кто назовет Есенина поэтом. Но трижды неправ тот, кому вздумается назвать Есенина мастером. А ведь только большому и настоящему мастеру по плечу тяжелая задача—сделать свои стихи революционными. Есенин хотел это сделать. Он сделать этого не смог. Не есть ли это вторая основная причина его гибели?

Он жил и умер, как цельная психическая личность. Его психика была глубоко чужда современности. Как-то в разговоре он обмолвился: „Я византийскую культуру воспеваю“. Может быть в благодушное, византийски - спокойное время Есенин жил бы и процветал, но для революционно-переходной эпохи он оказался совсем не приспособленным. Советская культура ему не далась...

Он умер. Из факта его смерти мы обязаны сделать некоторые выводы. Кое-кто их уже наметил. В целом ряде газетных статей—где явно, где—намёком скользит мысль: мы все виноваты в том, что не отсрочили его смерти. И вправду: а может быть можно было это сделать? Может быть, литературная среда, вместо того, чтобы прививать Есенину все дурные замашки и навыки богемы, могла бы помочь ему установиться, организовать, творчески сработаться с революцией. Ведь есть же в нашей литературной среде, несмотря на все ее недостатки, некоторое здоровое начало.

Есенин умер. Ему помочь уже нельзя. Но мало ли среди молодых поэтов—похожих на Есенина? Пять-шесть имен сразу приходят на ум. Литературным организациям и всем, кому есть дело до литературы, следовало бы подумать о них, об этих молодых, способных, но уже полуотравленных ядом богемы и „есенизма“ поэтах. Следовало бы помочь им уйти из богемы в организованное советское писательство, от „небесной тоски“ к более простой и нужной работе. А нашим псевдо-критикам не стоило бы вещать и каркать, как то, например, уже проделал в Ленинградской Вечерней Красной газете Г. Устинов: „Умер поэт... может быть слишком рано, но таков уж темный, проклятый закон, тяготеющий над поэтами... Есенин умер по-рязански, тем желтоволосым юношей, которого я знал“...

Это еще что за новые „законы“ и смерть „поязански“?

Самое трагичное в смерти Есенина—это соблазн для множества русских неудачников. А Есенин, как нарочно и последние стихи в таком духе написал, да еще в традиционно-самоубийственной обстановке:

„В день самоубийства Есенин хотел написать стихотворение, но в номере гостиницы случайно не было чернил. Сергей Есенин взял нож, разрезал в нескольких местах руку повыше кисти, обмакнул в кровь перо и написал:

До свиданья, друг мой, до свиданья,

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное раставанье

Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и слова.

Не грусти и не печаль бровей,

В этой жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новей“.

Какое надругательство над жизнью! Какие ненужные слова! Какой Сологуб водил рукой Есенина?!

Тупое, беспросветное нытье Есенина и есенистов делает их „поэзию“ воем кандидатов в самоубийцы!.. Да, так жить, как жил Есенин, конечно, не ново. Современные поэты должны жить новой жизнью и надо сделать так, чтобы они хотели и могли жить этой жизнью и чтобы в их творчестве не осталось ничего от умирающего старого мира...

Пусть не подумает читатель, что я свожу какие-нибудь личные счета с Есениным. Считаю необходимым здесь же заявить: познакомился я с Есениным в 1920 году в Баку и с тех пор не однажды встречался с ним в литературных кафе,

у него на квартире, и никогда у нас не было никаких личных недоразумений, стычек, или чего-нибудь подобного. Есенин даже как-то написал мне на память заумное стихотворенье—вероятно, единственное в этом роде, написанное им, почему и считаю необходимым привести его здесь целиком:

Тар - ра - эль
Си - ліу - ка
Есх
Кры
чу
чок

сесенин.

Кроме того, совсем незадолго до своей гибели, Есенин написал мне следующие строчки:

„Крученных перевернул (перевернул) литературу.
Я говорю это с гордостью“.

С. Есенин. 21/XI—25 г.

Кажется, достаточно красноречиво!

Особенно интересно отметить следующую запись Есенина в моем альбоме:

Нарисована могилка с крестом—и надпись:

„Под сим крестом
С. Есенин“

и сбоку приписка:

„Успе 921 г. 14 окт.“.

Вокруг могилки расписались и другие имажинисты.

Подробный разбор произведений Есенина сделан мною в статье „Псевдо-крестьянская поэзия“, которая сейчас готовится к печати в изд. Всерос. Пролеткульта.

5/1—26 г.

Сергей Есенин. Персидские мотивы. Изд-во „Современная Россия“. Москва. Год издания не указан.

Первое, что вызывает недоумение у человека, просмотревшего книгу—это, конечно, заглавие. Почему „Персидские мотивы“? Специфически-персидского в книге немного. Первая часть—обычные интеллигентско-поэтические нежности. Во-второй части имеется, например, поэма „Мой путь“, которая к Персии не имеет решительно уж никакого отношения. Кроме того, мы полагаем, что материал в значительной мере должен определять собою форму. Персидская поэзия отличается интересными и своеобразными формами. Ни одна из них в „Персидских мотивах“ не использована. Разве не замечательно, например, то, что во всем этом сборнике нет ни одной газэллы, ни одного „персидского четверостишия“? Ровненькие хореи бегут по книге, изредка сменяясь анапестами—вот и все. Этими размерами написаны очень многие русские стихи, но ничего „восточного“, тем паче „персидского“, в Есенинских ритмах найти нельзя.

Этого мало. Попробуем принять стихи, как они есть. Тут мы сразу наткнемся на целый частокочером романсных банальностей:

... Все равно, глаза твои, как море.
... Вот он, удел желанный.

... О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.
...Ты дала красивое страданье.

И, вообще, неживые это стихи. Особенно плохо, что в „Персидских мотивах“ Есенин совершенно несамостоятелен. Что ни слово,—то штамп. Тут и Лермонтов и —помоложе и похуже—Мих. Кузьмин. И еще, что угодно.

Стихи, в 1925 (хоть и без указания на обложке) году изданные, должны быть интересны, если не по материалу, то, по крайней мере, по оформлению его. Ни того, ни другого в рассматриваемой книжице нет. Поэтому она скудна и неинтересна современному читателю.

Уже после напечатания статьи „Драма Есенина“ я, просматривая письма, присланные Есениным из-за границы в Россию своим друзьям, наткнулся на следующее место в письме к А. Сахарову:

Ни числа ни месяца
Если-б был большой
То лучше-б было повесится.

(„Гостиница для путешественников“ 1922 г. № 1).

Удивительная навязчивость образов! Это не могло быть случайным. Так оно и оказалось...

В газете „Правда“ от 19 января помещена небольшая статья Л. Троцкого „Памяти Сергея Есенина“. Не разделяя восторга Л. Троцкого по поводу лирики Есенина вообще и его предсмертного стихотворения в частности, я все же целиком присоединяюсь к мнению Л. Троцкого о причинах смерти Есенина.

В статье намечены следующие мотивы самоубийства поэта:

„Есенин всегда, видимо, чувствовал себя—не от мира сего...

Наше время—суровое время, может быть, одно из суровейших в истории так называемого цивилизованного человечества...

Есенин не был революционером. Автор «Пугачева» и «Баллады о двадцати шести» был интимнейшим лириком. Эпоха же наша—не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушел от нас и от своей эпохи Сергей Есенин...

Крестьянская подоплека, — творческим даром переломленная и утонченная—у Есенина крепка. Но в этой крепости крестьянской подоплеку прижива личной некрепости Есенина: из старого его вырвало с корнем, а в новом корень не прижился. Город не укрепил, а расшатал и изранил его. Поездка по чужим странам, по Европе и за океан, не выровняла его.

... поэт не был чужд революции,—он был несроден ей. Есенин интимен, нежен, лиричен,—революция,— публична, — эпична, — катастрофична. От того-то короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой.

К смерти Есенин тянулся почти с первых годов творчества, сознавая внутреннюю свою незащищенность. В одной из последних песен Есенин прощается с цветами:

Ну, что ж, любимые,—ну, что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласну новую, приемлю".

К концу статьи Л. Троцкий замечает:

„Пусть в чествовании памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего“.

К сожалению, именно этим грешат многочисленные „панихиды“ по Есенину.

Из „нерасслабляющих“ откликов на смерть Есенина надо отметить стихотворение А. Жарова в „Известиях“, которое уже успело вызвать протесты со стороны особенно пристрастных и „упадочных“ поклонников музыки Есенина.

Вскоре же после смерти Есенина, в печати появилось множество стихотворений, посвященных этой смерти. В большинстве случаев, они проникнуты искренней печалью, но ни в одном из них нет сознательного отношения к гибели поэта: самоубийство Есенина никак не оценивается. Исключением является стихотворение пролетарского поэта А. Жарова, в котором есть не только сожаление о смерти Есенина, но и верный взгляд на эту гибель. Вот некоторые выдержки из этого стихотворения:

На гроб Есеника.

Это все-таки немного странно.
Вот попробуй тут не удивись:
На простом шнуре от чемодана
Кончилась твоя шальная жизнь.

Это все-таки, пожалуй, глупо
И досадно выше всяких мер,
Что тебя, Есенин, сняли трупом
С потолка в отеле „Англетер“.

Мы прощали и дебош, и пьянство,
Сердца звон в стихах твоих любя,
Но такого злого хулиганства
Мы не ждали даже от тебя...

... Для деревни новой, для гулянки
Ты давно уж без вести пропал...
И грустят, грустят лады тальянки
О словах, которых ты не дал.

Жаров оказался единственным, у кого хватило смелости признать, что Есенин „для деревни новой давно уж без вести пропал“. Это отнюдь не уменьшает горечи по поводу смерти Есенина. То, что он так безвременно и „глупо“ погиб — „досадно выше всяких мер“.

О том, как отзывалась критика на смерть Есенина, я говорю в других своих книгах. Так, в книге „Есенин и Москва Кабацкая“ мною разобрана статья — некролог А. Воронского („Красная Новь“, № 1) а в готовящейся к печати статье „Чорный человек в поэзии Есенина“ (о патологии в творчестве Есенина) я говорю о статье Вяч. Полонского.

В. Львов-Рогачевский причину гибели Есенина видит в его разладе между старым и новым укладом жизни (см. „Новейшая Русская Литература“, 5 изд. 1926 г.)

Из дельных замечаний читателей моих статей „Гибели Есенина“ и „Есенин и Москва Кабацкая“, считаю нужным привести здесь следующее:

— „В брошюрах впервые резко поставлен вопрос не о том, велик ли и как велик был талант Есенина (вопрос количества), а о том, являлся ли он положительной или отрицательной величиной (вопрос качества), полезна или вредна для общества, и просто для жизни, была Есенинская поэзия? В конце концов это важнейший вопрос о творчестве Есенина, который подлежит окончательному решению именно теперь, когда поэтическая деятельность Есенина трагически закончилась навсегда“.

Анализируя причины гибели Есенина, мы пришли к тому заключению, что гибель его, как человека, неразрывно связана с гибельностью его творчества, как поэта. В этом мнении мы не оказываемся одинокими. С. Городецкий в воспоминаниях о Есенине („Новый мир“, книга II) рассказы-

вает: я внушил ему „эстетику русской деревни, красоту тлена и безвыходного бунта“. Да, именно таково было литературное наследство, принятое Есениным и приведшее его к гибели. Ближайший друг Есенина, А. Мариенгоф, ясно видит связь между творчеством Есенина и его жизнью и смертью:

— „Если Сергей решил уйти, значит он как то усомнился в своих творческих силах. Другой причины его смерти не могло быть, как не было у него другой, кроме стихов, цели жизни“.

Да и сам Есенин никогда не отделял своей судьбы от судьбы своего творчества. Более того, он полагал, что поэзия самостоятельней и ценней жизни. Это явствует хотя бы из надписи, сделанной им на моем экземпляре „Персидских мотивов“:

Милому Крученых

С. Есенин.

Ни ты, ни я
искусство
(поэзия) живет
и помимо нас.

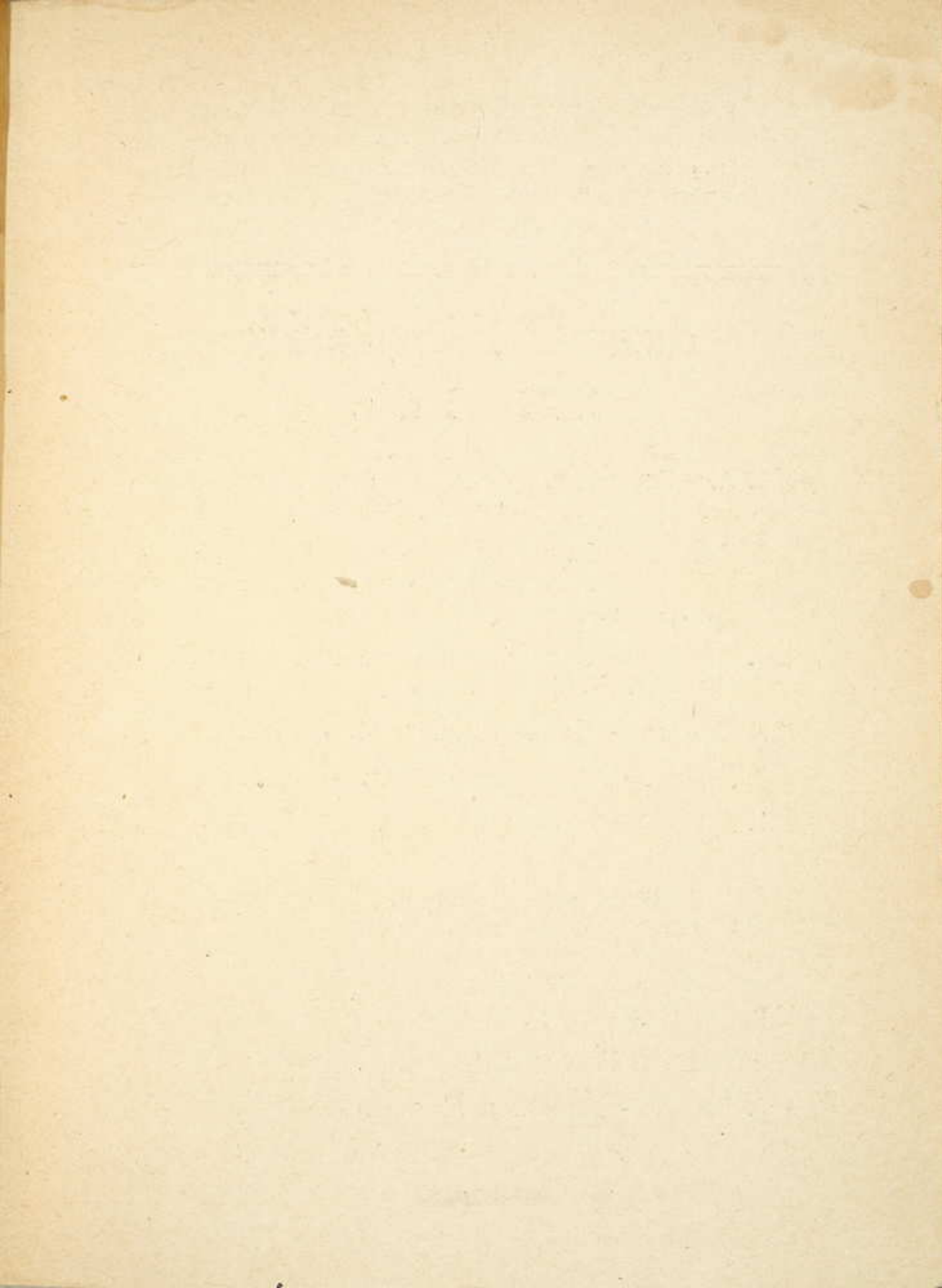
С. Е.

19 $\frac{21}{XI}$ 25 М.

И вот, Есенин умер, уверенный, что поэзия, в которой он не нашел верного пути, — пойдет вперед и помимо гибели одного поэта...

А мы, в заключение, скажем всем литработникам, а особенно молодым поэтам, еще имеющим бодрость и жизненную силу: Не следует впадать в самоубийственное уныние после горького есенинского урока. Задача момента—двигать вперед дело новой литературы.

Цена 20 коп.

Книги А. Крученых

1925—6 г. г.

126. **А. Крученых.** — „Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова“. М. 1925 г.
127. **Его же.** — „Заумный язык у Сейфуллиной. Вс. Иванова, Леонова, Бабеля, Ар. Веселого“. М. 1925 г.
128. **Его же.** — „Записная книжка Велемира Хлебникова“. М. 1925 г.
129. **Его же.** — „Язык Ленина“. М. 1925 г.
130. **Его же.** — „Фонетика театра“. 2-е изд. М. 1925 г.
131. **Его же.** — „Против попов и отшельников“. М. 1925 г.
132. **Его же.** — Ванька-Каин и Сонька Маникюрщица.
133. **Его же.** — Календарь.
134. **Его же.** — Драма Есенина.
- 134а. **Его же.** Гибель Есенина.
135. **Его же.** — Есенин и Москва кабацкая.
-

ONK-67559

